
ЧАРЛЬЗ МЭНСОН ГЛАЗАМИ THE NEW YORK TIMES: РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Л.В. Каткова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Россия, 119991

Автор изучает образ серийного убийцы Чарльза Мэнсона в газете The New York Times с помощью метода контент-анализа. Исследование включает в себя все материалы газеты, вышедшие с момента первого убийства и до оглашения судебного решения. В ходе исследования анализировались не только внешние характеристики публикаций (жанр, фотографии, комментарии и т.д.), но и внутренние характеристики, впервые разработанные автором статьи (оценочно-дескриптивные элементы и характеристики героев публикаций). Автор статьи предполагает, что газета умышленно или неумышленно с помощью различных приемов и языковых средств создает привлекательный образ убийцы. Полученные статистические данные дают основание утверждать, что гипотеза автора оправдалась. В частности, удалось выяснить, что журналисты The New York Times действительно представляют Чарльза Мэнсона в образе национальной знаменитости и мистического монстра, наделяют его сверхъестественными характеристиками и выдающимися способностями, что не может не влиять на восприятие его личности массовой аудиторией.

Ключевые слова: серийный убийца, преступление, Чарльз Мэнсон, The New York Times, контент-анализ

С 70-х годов XX века серийные убийцы прочно обосновались в американской мейнстрим-культуре. Сегодня они везде: на экране телевизоров, на страницах газет и журналов, в Интернете, в сюжетных линиях литературных произведений, на стенах картинных галерей, на прилавках сувенирных магазинов и т.д. Они окружены всеобщим обожанием и помешательством, их любят и ненавидят, ими восхищаются и презирают, их боятся и им подражают. Подобные комбинации противоречивых эмоций не вызывает ни одна среднестатистическая знаменитость. В чем же секрет их общемировой популярности? Мы полагаем, что секрет заключается в их привлекательном образе, имидже, который создают и транслируют в первую очередь средства массовой информации. Чтобы выяснить, соотносится ли наше предположение с истиной, мы проанализируем все публикации, посвященные трем серийным убийцам, в двух разных по типу издания газетах.

Итак, первый этап нашей работы включает в себя анализ стандартов освещения серийных убийств качественными газетами. Груз ответственности за все broadsheets в нашем случае будет нести ежедневная газета The New York Times. Анализ публикаций будет проходить на двух уровнях: сначала газетные материалы пройдут испытание количественным методом анализа (контент-анализом), а затем с помощью качественного метода (критического дискурс-анализа) мы выявим все тайные и глубинные смыслы публикаций. Первый уровень необходим для обнаружения статистической значимости и выявления корреляционной зависимости между изучаемыми переменными, а второй направлен на обнаружение

в тексте культурных и социально-психологических доминант и идеологий, влияющих на создаваемый и транслируемый СМИ образ серийного убийцы.

Данная статья посвящена результатам, полученным в ходе контент-анализа The New York Times. Исследование включает в себя все публикации газеты, посвященные Чарльзу Мэнсону и вышедшие с 10 августа 1969 г. по 30 марта 1971 г. В ходе контент-анализа была проанализирована 151 публикация. В исследование вошли только те материалы, которые попадают в этот временной отрезок. 10 августа 1969 г. произошло первое групповое убийство, совершенное «семьей» Мэнсона, а 30 марта 1971 г. Мэнсону и его сообщникам был вынесен судебный приговор. Так как The New York Times пишет о Мэнсоне до сих пор и у нас нет возможности разбирать такой огромный массив публикаций, то в качестве конечного момента мы решили ограничиться датой оглашения судебного решения.

Все публикации анализировались с точки зрения внешних характеристик, например, таких как жанр, расположение, наличие фотографий и т.д., а также с точки зрения внутренних характеристик, включающих в себя оценочно-дескриптивные элементы и транслируемые характеристики героев публикаций. С помощью последних двух групп категорий газета формирует образ преступника, который и является предметом нашего исследования. Оценочно-дескриптивные элементы отражают мнение автора о героях публикаций, т.е. здесь мы пытаемся выявить, как автор прямо или косвенно навязывает читателям свое личное восприятие. Категория «характеристика героев публикаций» включает в себе информацию более или менее воспринимаемую как факт, но также формирующую образ преступника (или образ объекта его нападения) и помогающую читателям составить собственное мнение о героях публикаций.

Внешние характеристики публикаций

Весь массив публикаций о Мэнсоне с точки зрения временной составляющей делится на два периода: первый период соотносится со временем проведения расследования, а второй вступает в силу после поимки преступника и во время судебных процессов. По естественным причинам распределение получилось не совсем равномерным, так как большинство публикаций (142 из 151) подпадает под второй период. Это связано с тем, что расследование убийств Тейт-Ла-Бьянка длилось относительно недолго — всего четыре месяца (с 9 августа по первые числа декабря, т.е. до ареста подозреваемых), при этом с сентября по декабрь никаких новых сообщений о расследовании опубликовано не было. Убийство известной актрисы Шерон Тейт, жены культового режиссера Романа Полански, в ее собственном доме вместе со всеми гостями вызвало шквал эмоций. The New York Times старалась не отставать от других газет и с энтузиазмом взялись за освещение перспективной истории: журналисты газеты в поисках новых интересных подробностей обратились к прошлому актрисы и ее мужа, писали об их безнравственном образе жизни и пристрастии к «антикризисным» препаратам. Но интерес стал постепенно угасать, действия полиции перестали вызывать любопытство, пока... Пока подозрение не пало на коммуну гедонистов-хиппи под предводительством гуру-битломана. После такого даже The New York Times отчаянно ввязалась в погоню за сенсациями.

Жанровая составляющая публикаций не представляется особенно богатой: большая часть была написана в формате новостного материала (*general news*) — 127 публикаций. Художественные материалы (*feature*) были обнаружены только в 23 случаях. И лишь один материал представлял собой рецензию (*criticism*). Так как газета почти каждый день публиковала отчеты из зала суда, то нет ничего удивительного в том, что большая часть материалов была написана именно в формате новостного сообщения: какие показания дал свидетель, что сказал прокурор или адвокат и т.д. Однако и в новостных материалах были обнаружены интересные нас особенности.

Фотографий по большей части в публикациях не было — это опять-таки к вопросу о жанровой специфике. В целом, лицо Мэнсона мелькало на страницах газеты чаще, чем фотографии его жертв или адептов. Образ Мэнсона был визуализирован в 14 публикациях, чаще всего фотографии были сделаны в зале суда. В четырех материалах газета демонстрировала читателям представителей его «семьи», в еще в четырех — фотографии убитых. Что касается самого Мэнсона, то результат вполне неплохой, и читатели имели возможность не только прочитать, но и посмотреть на главную калифорнийскую знаменитость того времени.

Комментарии появлялись на страницах *The New York Times* почти в каждой публикации. Больше всего журналисты доверяли мнению официальных лиц (их комментарии появлялись в 59,6% от общего числа публикаций). Далее идут комментарии людей так или иначе знакомых с Мэнсоном. Это говорит о том, что *The New York Times* любила расспрашивать знакомых Мэнсона о его персоне: журналисты были на ранчо гуру и брали интервью у все еще проживающих там членов его «семьи», говорили с людьми из детства Мэнсона, в том числе с его школьными учителями и священником, и, конечно же, публиковали все показания его адептов, обвиняемых в причастности к убийствам Тейт-Ла-Бьянка. Комментарии самого Чарльза Мэнсона журналистам нравились больше, чем комментарии экспертов. Комментарии лидера банды хиппи были опубликованы в 25% от общего числа публикаций. Мы придаем большое значение этому моменту, так как, вставляя комментарии или цитаты серийного убийцы в повествование, журналисты дают возможность преступникам навязать аудитории свою идеологию, что в случае Мэнсона очень значительно. Мэнсон, несмотря ни на что, без сомнения человек очень харизматичный и убедительный. И это не мнение, а факт. Не зря его «девочки» постоянно говорили в суде, что находились под его чарами, что он их буквально околдовал. А когда Мэнсон в суде говорит:

I have implied on several occasions to several different people that I may have been Jesus Christ but I haven't decided yet what I am or who I am. I was given a name and a number and I was put in a cell and I have lived in a cell with a name and number. I don't know who I am. I am whatever you make me, but what you want is a fiend. You want a sadistic fiend because that is what you are [1] (Я говорил несколько раз разным людям, что, возможно, я и есть Иисус, но еще не решил, что я такое или кто я такой. Мне дали имя и номер и посадили в камеру, и я живу в этой камере с именем и номером. Я не знаю, кто я такой. Я то, что вы из меня сделали — а вы хотите дьявола. Вам нужен злодей-садист, потому что это то, кем вы являетесь),

а *The New York Times* это публикует, то нельзя не согласиться, что его речь выглядит эффектно для аудитории и содержит некое зерно истины.

Внутренние характеристики публикаций

Анализ внутренних характеристик публикаций мы начнем с оценочно-декриптивных элементов. Разбирая множество публикаций на тему крови и насилия, мы пришли к выводу, что в освещении серийных убийств СМИ, как правило, придерживаются трех основных тенденций, или доминант, как мы их называем:

- серийный убийца как суперзвезда;
- серийный убийца как готический монстр;
- серийный убийца под маской нормальности.

Составление парадигмы выявления в текстах вышеозначенных доминант было крайне непростой задачей, так как нужные нам признаки обладают всецело качественными характеристиками. Тем не менее мы старались составить кодификатор таким образом, чтобы он не только помогал в осуществлении количественного анализа, но и как можно более полно отражал качественную природу исследования.

Начнем с первой доминанты «серийный убийца как суперзвезда», а точнее, с одной из двух категорий, входящих в эту доминанту, — «общие отсылки к приобретенной популярности, национальной или общемировой известности». Из 127 публикаций новостного характера абсолютное большинство (108) носило нейтральный характер и ни в какой мере не эксплуатировало выделенную нами тенденцию освещения серийного убийцы в качестве общенациональной знаменитости. Однако 19 раз газета с помощью различных приемов все-таки давала понять, что главный герой их новостного сообщения смог заработать себе громкое имя. А вот с художественными материалами ситуация совсем иная: чаще всего (13 раз в 23 публикациях) The New York Times делала отсылки к приобретенной популярности с помощью лингвистических приемов, шесть раз говорили о вовлеченности убийцы в поп-культуру и всего лишь восемь публикаций из 23 никак не указывали на новый звездный статус убийцы. Что касается второй категории, входящей в эту доминанту — «гиперболизации», — то здесь все намного скромнее: употребление превосходной степени встречалось всего лишь три раза и только в художественных публикациях. Суммарно же в художественных материалах доминанта «серийный убийца как суперзвезда» встречается 24 раза в 23 материалах.

Хотя The New York Times действительно транслирует «звездный образ» Чарльза Мэнсона, но в создании образа сверхъестественного монстра-убийцы журналисты были менее категоричны. Газета позиционировала Мэнсона в качестве злодея готических романов достаточно редко: всего лишь 13 раз в новостных сообщениях и четыре раза в художественных материалах.

Однако с демонизированным образом Мэнсона не все так просто: может быть бородатого гуру и не так часто сравнивали с монстрами и чудовищами, но уж точно прибавляли его образу мистики и таинственности, что суммарно выглядит довольно-таки впечатляюще. В целом, демонизация и мистификация Чарльза Мэнсона на страницах Times встречается в 32% случаев, а в художественных материалах подобные случаи составляют 52%.

На суде обвиняемые сообщницы Мэнсона то и дело говорили об экстрасенсорных способностях своего лидера (что он обладал “hypnotic spells”, если быть

точнее), возможно, по наущению своих адвокатов — это не важно, а важно то, что *The New York Times* с готовностью все это публиковала и повторяла из материала в материал.

Например, в статье от 4 декабря 1969 г. под заголовком “Head of the “family” is held for trial” («Глава “семьи” предстанет перед судом») читаем следующее:

[girls] consider themselves his “slaves” and refer to him as “god” and “satan” [2] ([девушки] считали себя его «рабами» и называли его «богом» или «дьяволом»).

Также в статье “3 suspects in Tate case tied to guru and “family” («3 подозреваемых в деле Тейт связаны с гуру и “семьей”») о Мэнсоне говорится, что

he was magnetic. His motions were like magic, it seemed like [3] (он был гипнотически притягательный. Его движения, казалось, были похожи на магию).

Третья доминанта в освещении серийных убийц — «серийный убийца под маской нормальности» — в отношении Мэнсона представлена слабо. Это говорит о том, что Мэнсон на страницах *Times* представляется человеком исключительным и неординарным и в отличие, например, от Джеффри Дамера, никогда не производил даже внешнего впечатления заурядности. А его из воздуха возникшая популярность и “hypnotic spells” как раз очень хорошо работают на такой имидж.

Проявление авторской оценки в текстах о Чарльзе Мэнсоне мы оценивали с помощью модификаторов (существительные, прилагательные или целые фразы, используемые автором материала в дескриптивных или оценочных целях), номинализации, дискурса возложения вины и других показателей.

Модификаторы помогли нам определить тональность, в которой говорится о субъекте или объекте преступления. Как выяснилось, в новостных материалах Чарльз Мэнсон достаточно часто преподносится в амбивалентном образе. Еще больше удивляет то, что положительная тональность присутствует чаще, чем негативная, — это относится как к новостям, так и к feature. В художественных материалах всего лишь в восьми публикациях из 23 присутствовала нейтральная тональность по отношению к убийце, в остальных случаях можно было проследить авторское отношение к своему герою: чаще всего Мэнсон предстал перед читателями в амбивалентном образе, два раза была заметна негативная тональность и целых пять раз личности преступника давалась положительная оценка.

Категория «оценка посредством номинализации» также заставляет нас задуматься: Мэнсон, пожалуй, единственный серийный убийца, которого *The New York Times* в абсолютном большинстве случаев называла просто по фамилии, не прибегая к обычному в таких случаях Mr. + фамилия. А вот что действительно вызвало удивление, — так это то, что в пяти из 23 художественных материалов в обозначении Мэнсона журналисты использовали уменьшительно-ласкательный вариант имени (Чарли). В связи с этим вспоминается письменное послание Мэнсона, обращенное к суду, где среди прочих абсурдных требований было желание именоваться этим самым Чарли во время судебных заседаний. Видимо, журналисты *Times* прониклись такой жалостью к ущемленному в правах убийце, что не в пример суду решили исполнить хотя бы этот каприз несчастного.

Еще одна категория, входящая в группу оценочно-дескриптивных элементов, о которой стоит упомянуть, — дискурс возложения вины. Здесь интересные результаты мы получили по материалам с пометкой “feature”.

Чаще всего журналисты возлагали ответственность за убийства Тейт-Ла-Бьянка на общество (шесть раз в 23 публикациях): к обществу у нас относятся и официальные власти (полиция), и родственники обвиняемых, и все остальные, кто не доглядел, не досмотрел и т.д. Три случая зафиксированы с возложением вины на самих жертв преступлений: в частности, здесь больше всего досталось Шерон Тейт и гостям ее дома. Актрису и ее мужа Романа Полански, заядлых тусовщиков, по представлению Times, обвиняли в гедонизме, пристрастии к запрещенным препаратам, наивности, излишнем гостеприимстве и т.д. Интересно, что во всей этой схеме Мэнсон как бы остается ни при чем: «крайним» в публикациях The New York Times он не оказывался никогда. Хотя упрекать в этом редакцию газеты мы бы не стали: этому есть вполне логичное объяснение, сводящееся к двум простым словам, — презумпция невиновности. До оглашения приговора обвинять его как бы нельзя, а после приговора уже как бы и ни к чему.

И наконец, последняя группа категорий, которую следует разобрать, — «характеристика героев публикаций». В эту группу входят background субъекта и объекта преступления, а также действия героев публикаций. С помощью этих категорий, отражающих фактологическую информацию, а не мнение или восприятие автора, как это было в «оценочно-дескриптивных элементах», мы также можем выявить интересующий нас образ серийного убийцы.

Результаты по категории “Background субъекта преступления” перекликаются с выводами, сделанными нами при анализе последней категории (дискурса возложения вины): в художественных материалах пять раз упоминалось о детстве Мэнсона с негативной тональностью, что соотносится с частотой признака «возложение вины на общество». Суммируя показания двух категорий, можно сделать вывод, что если авторы публикаций считали нужным возложить на кого-то ответственность за совершенные убийства, то в 56% случаев это были родители Мэнсона.

Примечателен самый популярный признак в этой категории — «упоминание о выдающихся возможностях или способностях» (35 раз в 151 публикации). В нашем кодификаторе признак работал в том случае, когда в материалах было упоминание о высоком IQ, способности манипулировать, понимании человеческой психологии и других ценных качествах. В случае Мэнсона чаще всего это было знаменитое «колдовское» влияние на свою «паству», способность очаровывать, завораживать и гипнотически овладевать всеми мыслями и чувствами своих адептов.

Мощным инструментом проявления личностных характеристик героев публикаций являются их действия. Для серийных убийц мы решили выбрать два противоположных направления энергии — проявление агрессии и проявление симпатии. В каждой из двух категорий мы выделили три признака: действия, направленные на психологическое или эмоциональное воздействие; действия, направленные на физическое воздействие; экспрессивная коммуникация.

Чаще всего Мэнсон проявлял агрессию с помощью действий, направленных на психологическое или эмоциональное воздействие (запугивание, унижение, оскорбление, обвинение). Мэнсон в преобладающем большинстве случаев пользовался инструментами запугивания:

Manson and the «family» were allowed to stay on the Spahn ranch simply because people were afraid of him [3] (Мэнсону и его семье разрешили остаться на ранчо Спэн просто потому, что всего его боялись)

или обвинения и оскорбления:

at the same time, Manson could explode with fury at people who disagreed with him [4] (в то же время Мэнсон мог с яростью накинуться на людей, не согласных с ним в чем-либо).

Что касается физического воздействия, то здесь мы фиксировали, например, преследование, насилие, т.е. любое причинение вреда на физическом уровне, не считая собственно само убийство, которое автоматически присутствует во всех исследуемых случаях. Хотя Мэнсон сам никогда и не убивал своих жертв, на суде и на страницах *Times* неоднократно говорилось, что он собственноручно связал супругов Ла-Бьянка, а потом исчез, доверив их убийство своим последователям. Также в восемь случаев проявления физического воздействия входит и вооруженное заостренным карандашом нападение Мэнсона на судью прямо во время заседания, о чем газета упоминала в нескольких публикациях. Проявления экспрессивной коммуникации с негативным оттенком (например, оскалился, нахмурился и т.д.) за Мэнсоном по большей части замечено не было — он, видимо, предпочитал сразу решать дело с помощью заостренного карандаша.

В категории «проявление симпатии» с небольшим отрывом также побеждает психологическое и эмоциональное воздействие (подбадривание, советы, комплименты и т.д.): например, адепты Мэнсона утверждали, что он

loved us all totally [5] (любил нас всех)

или что он

could be loving and warm with his followers [5] (он любил и был добр к своим последователям).

Под физическим воздействием мы понимали какое-либо оказание помощи, протекцию, рукопожатие и т.д. В анализируемых нами публикациях признак встречался достаточно часто, чтобы на основе полученных данных делать какие-либо обобщения. В публикациях *The New York Times* Мэнсон действительно выглядит человеком, заботящимся о своих последователях. Может быть, к постоянным людям он и проявлял агрессию, но к своим приближенным никогда: на суде все обвиняемые в один голос утверждали, что были очень счастливы рядом с ним, а некоторые члены группы, так и оставшиеся жить на ранчо после ареста их лидера, приезжали на судебные заседания и устраивали небольшие демонстрации возле зала суда в поддержку своего гуру. В качестве примера физического

воздействия приведем цитату из Times; публикуя показания одного из последователей Мэнсона, газета писала следующее:

the group drove to a beach where she [Linda Kasabian] and Manson walked hand-and-hand along the shore [6] (группа приехала на пляж, где она [Линда Касабиан] и Мэнсон гуляли по пляжу, взявшись за руки).

Позитивная экспрессивная коммуникация также часто сопутствовала образу Мэнсона: на суде он улыбался и смеялся со своими приближенными и довольно дружелюбно вел себя с адвокатами. Напомним, что экспрессивной коммуникации с негативным оттенком за Мэнсоном замечено не было. В целом, в художественных материалах действия агрессивного характера встречались реже, чем действия с проявлением симпатии (7 и 12 раз соответственно в 23 материалах), что также работает на создание привлекательного образа убийцы.

Выводы

Комментарии Чарльза Мэнсона появлялись в 38 из 151 публикации (25%), что давало возможность убийце высказывать мнение и транслировать идеи. К тому же человек с твердой позицией и собственным мнением всегда вызывает уважение и симпатию. Также отметим, что родственникам убитых высказываться почти не давали, а сами жертвы были навсегда лишены этой возможности.

Мы можем с уверенностью утверждать, что в художественных материалах журналисты The New York Times действительно позиционируют серийного убийцу (Чарльза Мэнсона) в качестве суперзвезды и национальной знаменитости. По этой группе категорий («серийный убийца как суперзвезда») были получены наиболее впечатляющие результаты: признаки встречались 24 раза в 23 публикациях.

Мы можем утверждать, что во всех публикациях, а особенно в художественных материалах журналисты The New York Times действительно наделяют Мэнсона сверхъестественными характеристиками и представляют его в образе мистического монстра.

В большинстве художественных публикаций (65%) можно было проследить авторскую оценку личности убийцы. Чаще всего Мэнсон изображался в привлекательном амбивалентном образе (35%), в 22% читателям навязывался положительный образ убийцы и только в 8,5% образ Мэнсона был всецело отрицательным.

Использование одной лишь фамилии или уменьшительно-ласкательного варианта имени при номинализации серийного убийцы сокращает дистанцию между читателями и героем публикации и, в отличие от холодного Mr. Manson, придает преступнику больше живости и реалистичности.

Перекадывая в художественных публикациях ответственность за совершенные убийства с Мэнсона на общество и самих жертв (39%), а также ссылаясь на сложное детство и плохих родителей, газета побуждает читателей сопереживать убийце и невольно ему симпатизировать. Прибавьте к этому частое упоминание (35 раз в 151 публикации (23%) и 10 раз в художественных публикациях (43,5%) о выдающихся талантах Мэнсона (острота ума, огромное влияние на своих по-

следователей, навыки манипулятора и т.д.) — и вы ему уже не только соперничаете, но и восхищаетесь.

В новостных сообщениях Мэнсон проявлял агрессию чаще, чем симпатию (24,5% против 8%). Так как большая часть новостных материалов представляла собой репортажи из зала суда, то и агрессия Мэнсона выражалась в основном в препираниях с судьей или в рассказах свидетелей о его отношениях с недоброжелателями — именно агрессия на психологическом уровне набрала больше всего очков. В художественных публикациях, наоборот, Мэнсон чаще всего проявлял симпатию (52% против 30,5%), так как здесь Мэнсон чаще изображался в кругу своих последователей, а с ними, как известно, он обращался очень хорошо.

Итак, проанализировав все публикации *The New York Times*, посвященные Чарльзу Мэнсону, с момента первого убийства и до оглашения судебного решения (151) и получив статистические данные, мы можем утверждать, что газета действительно формирует на своих страницах привлекательный, вызывающий уважение и сочувствие образ серийного убийцы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Caldwell E.* Manson tells judge he killed no one // *The New York Times*. 1970. November, 21.
- [2] *Roberts S.* Head of the “family” is held for trial // *The New York Times*. 1969. December, 4.
- [3] *Roberts S.* 3 suspects in Tate case tied to guru and “family” // *The New York Times*. 1969. December, 3.
- [4] *Roberts S.* Charlie Manson, nomadic guru, flirted with crime in a turbulent childhood // *The New York Times*. 1969. December, 7.
- [5] *Roberts S.* Charlie Manson: one man’s family // *The New York Times*. 1970. January, 4.
- [6] *Robinson D.* Third murder plan is laid to Manson // *The New York Times*. 1970. July, 31.

CHARLES MANSON IN THE NEW YORK TIMES: CONTENT ANALYSIS RESULTS

L.V. Katkova

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, 1-51, Moscow, Russia, 119991

The article aims at the study of the representation of serial killer Charles Manson in *The New York Times* using content analysis. The research includes all newspaper articles that have been published from the time of the first murder and until the judgment of the court. During the research the author analyzes not only exterior characteristics of the articles (genre, photographs, comments, etc.) but also interior characteristics created by the author (evaluative and descriptive elements, character properties). The author assumes that the newspaper intentionally or unintentionally creates an appealing image of the killer using different methods and linguistic techniques. Statistical data that we have obtained allow us to assert that the author’s hypothesis is confirmed. In particular, the author finds out that *The New*

York Times journalists depict Charles Manson as a nationwide celebrity and a mystic monster and endow him with supernatural properties and outstanding abilities. Such depiction has a great influence on the audience's perception of the killer.

Key words: serial killer, crime, Charles Manson, The New York Times, content analysis

REFERENCES

- [1] Caldwell E. Manson tells judge he killed no one. The New York Times. 1970. November, 21.
- [2] Roberts S. Head of the "family" is held for trial. The New York Times. 1969. December, 4.
- [3] Roberts S. 3 suspects in Tate case tied to guru and "family". The New York Times. 1969. December, 3.
- [4] Roberts S. Charlie Manson, nomadic guru, flirted with crime in a turbulent childhood. The New York Times. 1969. December, 7.
- [5] Roberts S. Charlie Manson: one man's family. The New York Times. 1970. January, 4.
- [6] Robinson D. Third murder plan is laid to Manson. The New York Times. 1970. July, 31.